

МАРИЯ КОРЕЛЛИ

ТЕЛЬМА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К66

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с английского *А. Загорского*
Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фереа*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Корелли, Мария.

К66 Тельма : [роман] / Мария Корелли ; [перевод с английского А. Загорского]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 800 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-189762-8

Путешествуя по Норвегии, британский аристократ сэр Филип Эррингтон влюбляется в юную Тельму — добрую и красивую дочку местного фермера. Добившись расположения ее отца и завоевав любовь самой Тельмы, Филип женится на ней и увозит к себе на родину, в Англию.

Однако высшее общество холодно встречает северную красавицу. Особенно негодует леди Клара, богатая и популярная дама, которая и сама имеет виды на Филипа. Чувствуя исходящую от Тельмы угрозу, леди Клара решает любой ценой избавиться от соперницы...

Сможет ли Тельма противостоять интригам и лицемерию лондонского общества? И сумеют ли они с сэром Филипом сохранить брак после всех испытаний, выпавших на их долю?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-189762-8

© Перевод. А. Загорский, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Книга I

ЗЕМЛЯ ПОЛУНОЧНОГО СОЛНЦА

Глава 1

Сон за сном видела она,
И каждый новый ярче прежнего.

Алджернон Чарлз Суинберн

Полночь выдалась светлой будто день, хотя и совсем без звезд. Полночь — но солнце, точно совсем не уставшее за день, все еще отчетливо виднелось в небесах и казалось королем-победителем, сидящим на розово-фиолетовом троне, обрамленном золотистой каймой. Небо — балдахин, накрывающий трон, — было глянцевого холодновато-синего цвета. По нему медленно плыло несколько бледно-янтарных облаков, которые по мере приближения к солнечному диску становились темно-оранжевыми. Струящийся сверху поток света заливал весь Альтен-фьорд, искрящиеся воды которого то и дело меняли оттенок, блистая то бронзой, то медью, то серебром, то лазурью и бирюзой. Окружающие фьорд холмы темнели фиолетовыми громадами, испещренными там и сям легкими ярко-красными мазками, словно сказочные феи разжигали на их склонах праздничные костры. Поодаль виднелась темная глыба ближайшей горы, но ее резкие линии смягчались нежной розоватой дымкой, наводившей на мысль, что вдали только что закатилось еще одно солнце, поменьше. Стояла полная, глубокая тишина, не нарушаемая даже криками чаек или других морских птиц. Воздух был совершенно неподвижен — даже легкий бриз

4 не наводил рябь на зеркально-гладкую поверхность воды. Все это очень походило на картину воображаемого художника, мастерство которого превышает все мыслимые пределы. Однако это было замечательное зрелище, созданное норвежской природой и вполне привычное для этих мест, особенно для Альтен-фьорда. Хотя он и находился за полярным кругом, летом здешняя погода могла сравниться с погодой в Италии, а местные пейзажи, поистине прекрасные, — служить таким же эталоном красоты, как Эндимион¹.

Наблюдал это великолепие всего один человек. Это был мужчина с правильными чертами лица, благородной наружности. Сидя на специально расстеленной на берегу накидке из шкур, он взирал на окружающий мир с выражением искреннего восторга в ясных светло-карих глазах.

— Восхитительно! Превосходно, просто восхитительно! — пробормотал он вполголоса и, взглянув на наручные часы, увидел, что они показывают ровно полночь. — Что ж, кажется, мне удалось увидеть максимум из возможного. Даже если мои друзья найдут для «Эу-лалии» хорошее местечко, они не увидят ничего более прекрасного, чем все это.

Затем мужчина поднес к глазам подзорную трубу и взгляделся в даль в поисках своей прогулочной яхты, на которой трое его друзей пожелали отправиться на расположенный напротив остров Сейланн. Он возвышался на три тысячи футов над уровнем моря, а главной достопримечательностью был пик Джекке — самый северный ледник во всей необжитой части Норвегии. Паруса возвращающегося судна мужчина не обнаружил и про-

¹ Э н д и м и о н — олицетворение красоты — в греческой мифологии знаменитый своей красотой юноша. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

должил рассматривать великолепное небо. Цвета и оттенки становились все более насыщенными, и облака, окаймлявшие снизу солнечный диск, сделались плотными и налились пурпуром, напоминая своим видом подставку для ног у королевского трона.

— Как странно тихо, будто только что отгремели трубы, провозгласившие воскрешение из мертвых, и ангелы вот-вот спустятся на землю, — негромко проговорил мужчина, улыбаясь собственным словам: не смотря на поэтическую жилку в глубинах его души, все же в целом он был скептиком. Весьма глубокое влияние оказал на него модный в последнее время атеизм, поэтому он не мог всерьез думать об ангелах и трубном гласе, возвещающем о воскрешении из мертвых. Но в то же время в нем все еще жила природная склонность к мистицизму и романтике, которую не смогли уничтожить даже учеба в Оксфордском университете и холодная скука английского материализма. Да и в самом деле, до того величаво и впечатляюще выглядело дневное светило на небосклоне в полночный час, настолько чудесным, почти неземным казалось созерцание все еще наполненного светом неба и эта невероятная тишина, царящая вокруг, что мужчина на миг действительно погрузился в состояние, близкое к религиозному экстазу. На память ему пришли строфы из стихотворений поэтов-мистиков, чье творчество он любил, фрагменты старинных песен и баллад, которые он слышал в детстве и не забыл до сих пор. Он переживал один из тех моментов, которые порой переживаем мы все: когда время словно прерывает свой бег, а окружающий мир замирает, и мы получаем возможность дышать вольно и свободно. В такие моменты все мы можем остановиться, оглянуться, прислушаться и на какое-то время задуматься о неизъяснимой силе, таящейся внутри нас и движущей нами, позволяющей нам

6 спокойно размышлять, задержавшись в крохотной сиюминутной точке, которая есть настоящее и расположена между темными бездонными пропастями прошлого и будущего. На краткий миг наступает безмолвие, гигантские жернова Вселенной перестают вращаться, и сама бессмертная человеческая Душа подчиняется высшей и вечной Мысли, которая властвует надо всем. Балансируя на тонкой, почти неразличимой грани, что отделяет реальность от мира грез, мужчина позволил себе отдаться сладостному, но отчасти болезненному ощущению полного погружения в мечты и забыл обо всем. Внезапно покой и тишину, царившие вокруг, нарушило пение. Голос был женский — сильное, звучное контральто, в неподвижном воздухе подобное звону золотого колокола. Это была старая норвежская песня из тех, где собраны все страстные чувства — горе, восхищение, грусть, какие-то еще переживания, слишком сильные, чтобы выразить их словами; потому они и выплескивались из сердца единственно возможным способом, через музыку. Мужчина поднялся с земли и огляделся в поисках певицы. Однако вокруг никого не было видно. Янтарные полосы на небе тем временем стали превращаться в багряные огненные языки. Воды фьорда тоже, казалось, пламенили, словно горящее озеро, которое создал в своем воображении Данте. Где-то высоко в сияющих небесах бесшумно пролетела одинокая чайка, и отблески этой цветовой симфонии замерцали на ее белом оперении словно бриллианты. Никаких других признаков присутствия животных или птиц не было и в помине. Голос, чья обладательница все еще оставалась незримой, продолжал выводить мелодию. Единственный слушатель, изумленный и очарованный, стоял неподвижно, потрясенный совершенством звучания каждой ноты, слетавшей с невидимых губ.

«Голос женский, — подумал он. — Но где же сама женщина?» 7

Озадаченный, он еще раз посмотрел направо и налево, а затем устремил взгляд на сверкающие воды фьорда, уже почти готовый к тому, что сейчас увидит там неизвестную вокалистку, которая, сидя в лодке, работает веслами и поет на ходу. Но и на поверхности моря не было ни души. Внезапно голос смолк, и в воздухе стал отчетливо слышен скрежет, какой обычно издает трущееся о каменистый берег днище лодки, которую тащат волоком. Повернув голову в том направлении, откуда раздался звук, мужчина в самом деле увидел лодку, которую выталкивал из пещеры в скале, которая располагалась вблизи от кромки воды, кто-то, кого он по-прежнему не мог рассмотреть. Исполненный любопытства, он сделал шаг по направлению к пещере — и вдруг, совершенно неожиданно, оттуда появилась девушка. Выпрямившись, она встала в лодке, глядя на пришельца. Лет девятнадцати на вид, ростом девушка была выше большинства женщин. Бросилась в глаза грива чудных, неприбранных волос цвета полуночного солнца, рассыпавшаяся по плечам. Волосы обрамляли изумительно белую кожу лица, при этом щеки заметно порозовели. Голубые глаза незнакомки выражали одновременно удивление и возмущение. Мужчина же, явно не готовый к столкновению с такой совершенной красотой в столь уединенном месте, на мгновение был до такой степени поражен, что утратил дар речи. Наконец, восстановив свое обычное самообладание, он приподнял шляпу, а затем, указывая на лодку, корпус которой торчал из пещеры чуть больше, чем наполовину, просто сказал:

— Могу я вам помочь?

Девушка, не ответив, пристально рассматривала его, причем в ее взгляде явственно читались неприязнь и подозрение.

8 «Полагаю, она не понимает по-английски, — подумал мужчина. — А я ни слова не знаю по-норвежски. Что ж, буду объясняться жестами».

Приняв такое решение, он изобразил сложную пантомиму, довольно смешную и нелепую, но в то же время достаточно понятную. Девушка рассмеялась — громко и искренне, и от этого смеха ее чудесные глаза словно заискрились.

— Это было очень недурно, — с достоинством сказала она по-английски с легким акцентом. — Вас поняли бы даже лапландцы, хотя они, бедолаги, очень глупые!

Изрядно смущенный смехом этой высокой девицы с великолепными волосами, — понимая, что именно он причина ее веселья, — мужчина, прервав свою жестикуляцию, застыл неподвижно, глядя на незнакомку и чувствуя, что краснеет.

— Я знаю ваш язык, — спокойно сказала девушка после небольшой паузы, за время которой явно успела оценить внешность и манеры незнакомца. — Я поступила невежливо, не ответив вам сразу. Да, вы можете мне помочь. Киль лодки застрял между камнями, но вдвоем мы легко сдвинем ее с места.

Затем, выпрыгнув из суденышка, она ухватила за край борта своими сильными белокожими руками и весело воскликнула:

— Ну же, толкайте!

Следуя ее указанию, мужчина, не теряя времени, налег на нос лодчонки, используя свой немалый вес и мышечную силу, и вскоре суденышко было уже на воде и нетерпеливо танцевало на небольших волнах, словно ему ужасно хотелось поскорее отплыть. Девушка уселась на банку, отвергнув попытку незнакомца помочь ей забраться на борт. Взяв весла, она вставила их в уключины и, казалось, уже готова была начать грести, но затем внезапно спросила:

— Вы моряк?

9

Мужчина улыбнулся:

— Только не я! А что, я похож на моряка?

— Вы сильный, и по тому, как вы обращаетесь с лодкой, видно, что для вас это привычное дело. Да и выглядите вы так, как будто вам доводилось бывать в море.

— Вы верно угадали! — ответил мужчина с улыбкой. — Мне действительно *доводилось* бывать в море. Я прошел по морю вдоль побережья всей вашей замечательной страны. Сегодня днем моя яхта отправилась на Сейланн.

Девушка вгляделась в собеседника более пристально и, будучи женщиной, без труда заметила, что одет он с большим вкусом. Не укрылись от ее внимания ни модный покрой его дорожного сюртука, ни отделанная великолепным лисьим мехом накидка, небрежно брошенная на землю неподалеку. Когда девушка закончила осмотр, на ее лице появилось смешанное выражение заносчивости и чего-то еще, напоминающего презрение.

— Так у вас есть яхта? О! Значит, вы джентльмен. Выходит, вы ничего не делаете, чтобы заработать себе на жизнь?

— В самом деле, ничего! — Мужчина пожал плечами — этот жест выражал одновременно скуку и жалость к самому себе. — Кроме одного: я живу.

— И что, тяжелая это работа? — с любопытством спросила девушка.

— Очень.

Оба замолчали. Лицо девушки стало серьезным. Она взялась за весла и посмотрела на мужчину прямым и честным взглядом, который, будучи оценивающим и любопытным, в то же время совершенно не казался наглым. Это был взгляд человека, в прошлом которого нет секретов, — взгляд ребенка, довольного

10 свой нынешней жизнью и не думающего о будущем. Немного найдется таких существ женского пола — даже среди тех, кто еще находится в подростковом возрасте. Светское притворство, ломанье, неутолимое тщеславие, то есть все то, что стимулируют в женской природе современные жизнь и воспитание, очень быстро подавляют такую ясность и прямоту во взгляде. Между тем прямота и искренность взгляда, встречающиеся так редко, восхищают и очаровывают куда больше, чем кокетство и откровенное приглашение, которые читаются во взглядах большинства хорошо воспитанных светских дам, научившихся вовсю использовать в отношениях с мужчинами свои глаза, но не сердца. Эта девушка явно не получила надлежащего светского воспитания, иначе она бы «опустила внутренний занавес», чтобы не дать увидеть свет ее души. Она немедленно подумала бы о том, что находится на берегу в полночь, хотя солнце все еще остается на небе, а рядом с ней незнакомый мужчина. Она принялась бы жеманничать, изобразила бы смущение — даже если бы вовсе его не чувствовала. Однако она не стала делать ничего подобного. Когда она заговорила после паузы, голос ее звучал мягко, в нем слышались кротость и, пожалуй, тень сочувствия.

— Если вы не любите саму жизнь, — сказала девушка, — вы наверняка любите красоту, которая есть в жизни, разве не так? Взгляните вон туда! Это то, что мы называем встречей ночи и утра. Когда видишь такое, поневоле радуешься тому, что живешь на свете. Посмотрите, скорее! Этот свет скоро померкнет.

Девушка указала на восток. Ее собеседник взглянул туда и издал восклицание, почти вскрик, от изумления и восхищения. Всего за несколько последних минут вид неба полностью изменился. Преобладавшие на нем пурпурный и фиолетовый тона будто растаяли

и уступили место розовато-лиловому сиянию — 11
нежному, как цветущая сирень. На этом фоне по небосводу плыли два тонких, словно сотканных из паутины, облака — зеленоватые, с бледно-желтой оторочкой цвета лепестков примулы. Между этих облаков, перламутрово-полупрозрачных, похожих на крылья стрекозы, сиял полированным золотом солнечный диск. Испускаемые им лучи, словно копья изумрудно-зеленого оттенка, пронизывали воздух и заливали все вокруг нереальным светом. Казалось, что луна соперничает с солнцем за право господствовать над окружающим пейзажем. Она также была видна где-то на юге, но напоминала собственный призрак — бледная, тающая.

Опустив голову, мужчина посмотрел в лицо девушке, находящейся рядом с ним, и поразился ее невероятной красоте, которой меняющийся, словно танцующий, свет лишь придал выразительности. Сама лодка, в которой сидела девушка, казалось, излучает бронзовое сияние, мерно покачиваясь в зеленовато-серебристой воде. Полночное солнце переливалось и играло в водопаде длинных волос, подсвечивая каждый локон, каждую прядь медово-янтарным сиянием. Станный свет, заливавший небо, казалось, наполнил и глаза девушки, придав им бриллиантовый, колдовской блеск. Мужчине был отчетливо виден ее безукоризненный профиль — благородный высокий лоб, мягкие очертания губ и округлый подбородок. Отсветы солнечных лучей играли на алом лифе ее платья и причудливых застежках из старинного серебра на поясе и воротнике. Мужчине, глядящему на девушку во все глаза, вдруг показалось, что она — неземное существо, фея из сказочного северного королевства Альвхейм, «обители светлых божеств».

Девушка смотрела вверх, в небеса, и на лице ее читался благоговейный восторг. Какое-то время она си-

12 дела совершенно неподвижно, словно ангел на картинах Рафаэля или Корреджо. Затем, глубоко вздохнув, будто возвращаясь с небес на землю, она медленно опустила голову. И тут же заметила устремленный на нее откровенно восхищенный взгляд мужчины. Девушка чуть вздрогнула, и щеки ее загорелись румянцем. Однако она тут же подавила свое волнение и, легонько помахав ему рукой, взялась за весла, готовая отчалить от берега.

Ощувив внезапный порыв, сдержать который он попросту не смог, мужчина положил руку на край борта ее лодки.

— Вы прямо сейчас уезжаете? — поинтересовался он. Девушка удивленно приподняла брови и улыбнулась.

— Уезжаю? — переспросила она. — Ну да. Я и так окажусь дома довольно поздно.

— Подождите минутку, — сказал мужчина, чувствуя, что просто не может позволить, чтобы случайно встреченное им чудесное создание покинуло его, словно сон в летнюю ночь, не позволив ничего узнать ни о своем происхождении, ни о том, куда она направляется. — Может быть, скажете мне свое имя?

Девушка выпрямилась с возмущенным видом:

— Сэр, я вас не знаю. Норвежские девушки не сообщают свои имена незнакомцам.

— Извините меня, — сказал мужчина, слегка смутившись. — Я не хотел вас оскорбить. Просто мы с вами вместе наблюдали полуночное солнце, и... и я подумал...

Он умолк, так и не закончив фразу. При этом почувствовал себя ужасно глупо.

— Вы можете часто встретить на берегах Альтен-фьорда крестьянских девушек, любующихся полуночным солнцем в то же самое время, когда это делали

и вы, — заявила девушка, и мужчине почудился 13
в ее голосе сдерживаемый смех. — В этом нет
ничего странного. Такое мелкое событие даже не стоит
запоминать.

— Стоит или нет, а только я его никогда не забуду, —
сказал мужчина с внезапной пылкостью. — И вы не
крестьянка. Послушайте, а если я сообщу вам мое имя,
вы и тогда не скажете мне, как зовут вас?

Девушка сдвинула свои великолепные брови к пере-
носите с несколько высокомерным видом, явно соби-
раясь возражать.

— Мне ласкают слух только те имена, которые мне
уже знакомы, — подчеркнуто холодно отчеканила
она. — Мы с вами больше не увидимся. Прощайте!

Не произнося больше ни слова и не глядя на муж-
чину, она изящно наклонилась вперед, взяла в руки
весла и решительно сделала первый сильный гребок.
Лодка легко, стрелой двинулась вперед по искрящейся
воде. Мужчина стоял неподвижно, глядя ей вслед, пока
она не превратилась в крохотную точку, сверкающую,
словно бриллиант, на фоне прозрачных вод. Когда он
почти перестал различать ее невооруженным глазом,
он достал подзорную трубу и продолжил наблюдать за
движением суденышка. Оно шло по прямой, однако
затем внезапно стало отклоняться к западу — по-види-
мому, держа курс на скалы, далеко вдающиеся в воды
фьорда. К этому времени лодка почти пропала из виду,
а достигнув скал, вообще исчезла. Одновременно рос-
кошные цвета, которыми было украшено небо, стали
уступать место сероватой, жемчужного оттенка мгле,
которая расплзалась вокруг, словно кто-то набросил
накидку на роскошный дворец короля — солнца. В воз-
духе быстро распространились прохлада и особый, не
поддающийся описанию аромат приближающегося
рассвета. Над водой возник легкий туман, скрывший

14 от глаз близлежащие острова. В окружающем пейзаже появилось что-то неуловимо осеннее, хотя стоял июль. Из гнезда, спрятанного в поле, взлетел жаворонок и, поднимаясь все выше и выше, огласил окрестности великолепными трелями. Полночное солнце больше не сияло в небесах. Оно словно бы спокойно и умиротворенно улыбалось, спрятавшись за туманной пеленой наступающего утра.

Глава 2

Приди же, я буду петь тебе песни, которыми научили меня кладбищенские души!

Чарльз Роберт Мэтьюрин

— Вот тебе и на! — воскликнул мужчина с несколько смущенным смехом, когда лодка окончательно исчезла из виду. — Ну и женщина! Кто бы мог подумать?

В самом деле, кто бы мог представить подобное! Сэр Филип Брюс-Эррингтон, баронет, весьма состоятельный человек и завидный жених, за которого мечтали выдать своих дочерей многие дамы, занимавшие видное положение в высшем обществе, объект восхищения и вожделения, способный стать прекрасной партией для любой знатной молодой леди... И вдруг ему оказан такой холодный прием, им, можно сказать, пренебрегли — и кто? Какая-то заблудившаяся принцесса, а то и вообще просто крестьянка. Размышляя по поводу случившегося, он зажег сигару и принялся расхаживать по берегу, причем черты его красивого лица выражали нечто близкое к раздражению. Он не привык к пренебрежительному отношению к себе, даже в шутиливом разговоре. Его завидное положение в обществе позволяло ему практически всегда чувствовать свое превосходство, и большинство людей ему льстили или

пытались добиться его дружбы. Он был единственным сыном баронета, известного как своей эксцентричностью, так и размерами своего состояния. В детстве его очень баловала мать. Теперь же, когда его родители умерли, он, унаследовав богатство отца, остался один на всем белом свете и ощущал себя совершенно свободным во всех своих действиях. Своеобразной платой за его богатство и внешнюю привлекательность было то, что дамы буквально преследовали его, и потому теперь его изрядно раздражало высокомерное равнодушие, которое проявила одна из красивейших — если не самая красивая женщина в его жизни. Он был уязвлен, его самолюбию нанесли ощутимый удар.

— Я уверен, что мой вопрос был совершенно безобидным, — угрюмо пробормотал он себе под нос. — Она вполне могла бы на него ответить.

Мужчина окинул воды фьорда нетерпеливым взглядом. Однако своей яхты, возвращающейся обратно, вновь не обнаружил.

— Да где же они? — раздраженно проговорил он. — Если бы на борту не было лоцмана, я бы решил, что они посадили «Эулалию» на мель.

Докурив сигару, мужчина бросил окурок в море. Затем, остановившись у самой воды, он принялся уныло наблюдать за тем, как небольшие волны ласкают гладкий коричневый берег у его ног. При этом он продолжал думать о странной девушке с прекрасными лицом и фигурой, с огромными голубыми глазами и копной золотистых волос. Она поразила его своим изяществом и гордой, независимой манерой держаться.

Встреча с ней стала для баронета своеобразным приключением — первым за долгий период времени. Он уже давно ощущал странную усталость, вызывавшую резкие перемены настроения. В результате такого вне-